

*Е. Ю. Машукова**

**«НОВЫЙ ГРАД»
О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОЕ В РОССИИ****

Предметом данного исследования является отношение авторов эмигрантского журнала «Новый град» к советской действительности в 30-х гг. XX в. Для того, чтобы понять особенности данной рецепции, определяемой прежде всего идеалами и представлениями новгородцев, автор рассматривает основные принципы их мировоззрения. Актуальность данного исследования определяется интересом к советскому проекту, убежденными критиками которого выступали сотрудники данного издания. Авторов «Нового града» в историографии русского зарубежья XX в. относят к т. н. «пореволюционному сознанию», для которого было характерно частичное признание достижений советской России. Вместе с тем авторы журнала — отвергая и капитализм, и социализм, предлагают третий путь социального развития — «трудовой строй», в котором были бы реализованы права и свободы человека и осуществлялся приоритет духовных ценностей над материальными. Методологически работа базируется на историко-философском анализе первоисточников и исследовательской литературы. В результате исследования автор обнаруживает, что критика советского строя новгородцами осуществляется по следующим направлениям: советский режим осуществляет свои преобразования за счет истребления миллионов людей, он держится на лжи и предательстве, в нем отвергается свобода личности, деградирует интеллигенция, падает качество духовной культуры за счет истребления свободы творчества. Но главное, это страшное искажение народной души, вызванное необходимостью лжи и предательства, которое ведет за собой режим большевиков.

Ключевые слова: «Новый град», пореволюционное сознание, третий путь, советская действительность.

* Машукова Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского; lilacrainbow@yandex.ru

** Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19–011–00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

E. Yu. Mashukova
"NOVY GRAD" ON THE SOCIALIST SYSTEM IN RUSSIA

The subject of this research is the attitude of the authors of the emigrant magazine "Novy grad" to the Soviet reality in the 30s of the XX century. In order to understand the features of this reception, which is determined primarily by the ideals and ideas of Novograd residents, the author considers the basic principles of their worldview. The relevance of this research is determined by the interest in the Soviet project, which was strongly criticized by the staff of this publication. The authors of the New city in the historiography of the Russian abroad of the XX century refer to the so-called "post-revolutionary consciousness", which was characterized by partial recognition of the achievements of Soviet Russia. At the same time, the authors of the journal, rejecting both capitalism and socialism, suggest a third way of social development — the "labor system", in which human rights and freedoms would be realized and the priority of spiritual values over material ones would be realized. Methodologically, the work is based on the historical and philosophical analysis of primary sources and research literature. As a result of the research, the author finds that the criticism of the Soviet system by Novograd residents is carried out in the following directions: the Soviet regime carries out its transformations by exterminating millions of people, it is based on lies and treachery, it rejects the freedom of the individual, degrades the intelligentsia, and reduces the quality of spiritual culture by destroying the freedom of creativity. But most importantly, this is a terrible distortion of the people's soul, caused by the need for lies and treachery, which leads the Bolshevik regime.

Keywords: Novy grad, post-revolutionary consciousness, the third way, Soviet reality.

Мы спрашиваем не о том, во что человек верует,
а какого он духа. Под этим знаменем соединились
мы в борьбе за правду Нового Града.

Г. Федотов

Журнал «Новый град» выходил в Париже с 1931 по 1939 г. Создателями и редакторами «Нового града» были видные деятели русской эмиграции: публицист Георгий Федотов, философ Федор Степун и бывший эсер, объединитель творческой интеллигенции Илья Бунаков-Фондаминский. В научной литературе журнал «Новый град» рассматривается обычно в контексте эмигрантской литературы 30-х гг., фокус исследователей сосредоточен на особенностях их мировоззрения, а также на их представлениях о будущем устройстве постсоветской России [1; 14; 17; 23]. Гораздо меньшее внимание уделяется аспекту, который новоградцы считали одним из главных своих приоритетов — осмыслению советского опыта строительства социализма. Данное исследование представляет собой попытку восполнить этот пробел.

Для того чтобы понять, как новоградцы относились к советской действительности, нужно прояснить несколько сюжетов, связанных с их мировоззрением. Прежде всего необходимо поместить это интеллектуальное направление в контекст эпохи. В историографии русского зарубежья журнал относят к тому направлению эмигрантской литературы, которое получило название «пореволюционное сознание» [22, с. 553]. «Пореволюционеры» принадлежали ко второй волне эмиграции, они прожили пять лет при советской власти: пережили революцию, гражданскую войну, НЭП, первые опыты государственного строительства, как следствие получили тот опыт жизни при большевиках, которого не было у людей, уехавших из России сразу после

революции. Возможно, именно этот опыт подтолкнул их к тому, чтобы считать большевистскую революцию закономерным исходом всей русской истории и частично признать успехи советского строя.

Первый номер журнала появился в Париже в 1931 г., когда мировой экономический кризис уже третий год потрясал основы западного общества. Становится очевидно, что возможности рынка к саморегулированию сильно переоценены, отсюда появляется интерес к плановому хозяйству, а значит — и к Советской России. В СССР в это время утверждается монополия власти Сталина, полным ходом идут коллективизация и индустриализация страны, сопровождающиеся массовым обнищанием населения и голодом, провозглашена культурная революция, разгромлены «правая» и «левая» оппозиции. В стране уверенно строится тоталитарное общество. «Обе катастрофы одинаково потрясли новгородцев» [17], кроме того, они полагали, что при всех различиях капитализма и социализма их объединяет то, что и в Европе, и в России происходит мировоззренческий, культурный и политический кризис, вызванный всеобщей «метафизической инфляцией»:

Та борьба всех против всех, против которой на словах протестуют церкви и государства, банкиры и промышленники, фашисты и коммунисты, либералы и социалисты, немцы и французы оттого и не прекращается, что идеологии всех борющихся сторон уже давно утратили всякую духовно-опытную связь с соответствующими идеями, что всюду царит никем почти не сознаваемая метафизическая инфляция [29, с. 16].

Не принимая ни капитализм, ни сталинский социализм, новгородцы пытаются сформулировать версию третьего пути для России, а в перспективе — и для всего человечества. На страницах журнала постоянно звучит отрицание капитализма и коммунизма, большевизма и фашизма, которые являлись для них «сиамскими близнецами», т. к. в этих режимах невозможно было осуществление главной цели социального развития — правды личности и ее свободы. Защита свободы — по мнению редакторов, важнейшего наследия XIX в. — была для них центральной задачей времени. Мир идет к трудовому обществу, и нужно стремиться сделать трудовое общество максимально свободным. Это неосуществимо без духовного перерождения людей. Свою борьбу с духовным кризисом они видели в выработке целостного мировоззрения, в котором признавалась бы абсолютная ценность свободной личности.

Новгородцы были убеждены, что новое общество должно быть построено только на началах христианства, т. к. «лишь христианство утверждает равенство целого и части, личности и мира, Церкви и человеческой души» [33, с. 7]. При этом в христианстве на первый план выходит его нравственное измерение, которое нужно возродить в общественной жизни. Социальная ценность христианства в том, что оно «открывает для людей бесконечную ценность личности — той “души”, которой не стоит весь мир» (цит. по: [1, с. 173]). С другой стороны, по мнению Ф. Степуна, именно христианство со своей проповедью любви к ближнему является гарантом постепенности преобразований, защищает от насилия и политического радикализма:

Перед лицом большевизма становится, как никогда, ясно, что на всякий утопически-мечтательный безудерж есть только одна узда: живая любовь к ближнему, мешающая превращать его в строительный материал Царствия Божия на земле, поэтому христианство может быть, определено, как антиутопизм, как пафос конкретности и постепенности социального преобразования [28, с. 12].

По словам участника журнала В. Варшавского, целью новгородцев была основанная на христианстве общественная реформа [9]. В политическом отношении «Новый град» представлял то направление «пореволюционного сознания», которое надеялось на «самоизживание» коммунизма, т. к. этот строй несовместим с базовыми человеческими ценностями, Г. Федотов писал:

Марксизм, особенно в его ленинско-сталинской транскрипции, настолько противоречит человеческой природе, настолько убийственно-ядовит для всех духовных и душевных потребностей личности, что реакция против него во всяком живом организме рано или поздно наступит [36, с. 19].

Новгородцы были убеждены, что революции происходят не потому, что хозяйство страны приходит в упадок, а потому, что «сознание народа расходится с тем строем, в котором он живет, потому что души людей уходят от правящей власти» (И. Бунаков). Следовательно, надо подорвать доверие людей к этому строю, противопоставить большевистской идеологии целостное мировоззрение, центральной идеей которого было бы признание абсолютной ценности личности. Отсюда вытекала главная задача «пореволюционеров» — создать идеологию будущей России, целостное мировоззрение, в котором признавались бы абсолютная ценность свободной личности и приоритет духовных ценностей над материальными.

Необходимо отметить, что «Новый град» «объединил в отрицательном отношении к себе чуть ли не все подавляющее большинство политически оформленной эмиграции» [20, с. 438]. Оппоненты «Нового града» упрекали его авторов в просоветизме, что действительно имело место в некоторых выступлениях Бердяева и Степуна, так, речь шла не только о «бесспорных» производственно-технических достижениях Советского Союза, но и о том, что в России рождается «образ нового человека», что она выходит на новый путь духовного, социального и культурного творчества. По словам автора «Современных записок» Руднева, Бердяев и Степун проявляли по отношению к советской действительности «непонятный оптимизм» и «изумительное благодушие» [21, с. 508]. Еще страшнее ему казалась позиция Бердяева, утверждавшего, что в России существует своя «советская свобода», которая выше свободы формальной, «буржуазной», ибо последняя равнодушна к истине [6, с. 63]. Руднев, цитируя слова Бердяева о том, что молодые люди, приезжающие из СССР во Францию, «задыхаются здесь от отсутствия свободы», отмечал:

перед ужасом всего совершающегося в России нам трудно без очень тяжелого и горького чувства читать эти измышления об энтузиазме и религиозном пафосе у палачей, о неслыханной свободе коллективного творчества у обращенного в рабство народа [21, с. 509].

Возвращаясь к «Новому граду» через год после его возникновения Руднев писал, что этот журнал «оказался как бы общественно изолированным, что оттолкнув от себя часть возможных друзей в среде демократии, приобрел сомнительной ценности союзников в лице всяких национал большевиков, младороссов и сменовеховцев» [20, с. 438–439]. Руднев при этом сформулировал «основной грех» «Нового града» как «недостаточно отчетливое, а потому и соблазнительное отношение к результатам и перспективам большевистского опыта в России» [20, с. 438–439].

Насколько справедливы были эти упреки? Тексты статей новгородцев обнаруживают, что, несмотря на то что они признавали отдельные достижения советской власти, критические оценки социальной практики большевиков все-таки у них преобладают. Критика советского строя вытекала из их представлений и идеалов. Новогородцы отмечали, что есть противоречие между самоописанием советского общества и тем, что на самом деле происходит в Советской России. Большевики утверждают, что советская власть поддерживается народом, в стране существует социальное равенство, на самом деле это не так...

О СУЩНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ

Вопросы о сущности и происхождении советской власти были очень важны для новгородцев. Возражая против точки зрения, согласно которой, большевики — случайное недоразумение и ошибка истории, авторы журнала подчеркивают, что большевизм — это во многом закономерный итог развития русской общественно-политической мысли. Ф. Степун, один из ключевых авторов «Нового града», отмечает, что «в кривом зеркале большевистского синтеза своеобразно переплелись все главные течения русских общественно-политических и миросозерцательных исканий» [28, с. 9], более того, «большевизм есть провиденциальная судьба России» [24, с. 18]. В большевизме воплотились исконно русские черты — правовой нигилизм, рассматривающий право как «могилу правды», стремление к упрощению сложного, тяготение к крайностям. Чтобы эффективно противостоять большевизму, нужно сначала признать ответственность за него. С ним согласен Н. Бердяев, который отмечает, что большевики не так оригинальны, как кажутся, так, свой материализм, атеизм, поклонение наукам естественным и экономическим, идеализацию трудящихся классов, наконец, сектантскую нетерпимость — всё это они взяли от Чернышевского и старой русской интеллигенции [4, с. 39].

При этом все новогородцы сходились в том, что в России строится не коммунизм, а «деспотический государственный капитализм» [15, с. 58], все отрицательные черты которого присутствуют в советской хозяйственной системе, так, например, индустриализация страны осуществляется через уничтожение покупательной силы населения [11, с. 59].

Средства, допускаемые коммунистами, вызвали сомнения в доброкачественности самих целей, т. к. «при помощи тирании нельзя осуществлять

царство свободы», считает Бердяев [2, с. 20]. Большевики добились больших производственно-технических успехов, но слишком дорогой ценой — ценой отмены человека и его свободы. Этот радикальный шаг позволил большевикам строит счастье человечества, не считаясь с несчастьем каждого отдельного человека. «Россия поднята на коммунистическую дыбу, во имя коммунизма в России истребляются миллионы, отменяется христианство и культура, воцаряется всеобщая нищета вокруг индустриальных гигантов-монастырей», — обвиняет Федотов [37, с. 4]. У большевиков «знамя труда» обернулось невольничьим флагом, «трудовое царство» — безрадостной каторгой [39, с. 61]. Следовательно, большевики свою мечту об устройении человечества любят больше того ближнего, которого заставляют на нее работать, иначе говоря, советский строй по существу является идеократией. В советском государстве все определяет идеология, в т. ч. и производственные отношения. Большевики превратили марксистскую теорию «диалектического экономизма» в практику игнорирующего всякую экономику панполитизма», — отмечает Ф. Степун [28, с. 10]. К тому же в СССР коммунизм де-факто перерастает во что-то, напоминающее религию, отмечает И. Лаговский, показывая на конкретных примерах, взятых из советской прессы, рождение в Советской России «нового религиозного сознания». Коммунистический энтузиазм приобретает в советской России все более религиозную окраску, об этом свидетельствует и эсхатологическая одержимость большевиков, и почти религиозная природа культа Маркса и Ленина:

Утверждение социальной правды, как дела прежде всего религиозного, в советских условиях часто принимает даже странные, граничащие с кощунством, уродливые формы. Советский культ Маркса и Ленина становится религиозным. Они, как обличители социального зла, предсказывавшие о новой социальной действительности, потрудившиеся над осуществлением ее, начинают почитаться как своего рода пророки» [14, с. 48].

В свою очередь, Степун пишет о «церковно-приходском марксизме Ленина» [28, с. 9] и резюмирует:

Сейчас нет в мире страны, до такой степени охваченной, опутанной и пронизанной беспочвенными выдумками, как Советская Россия, где попораны и преданы все первичные идеи, где изничтожена всякая возможность самозарождения личности, где все сорвано со своих мест и устоев, где в результате дикого идеологического запоя страна вот уже 15 лет бьется в бреду рационалистического утопизма [25, с. 18].

Но самая страшная сущность большевизма, по мнению новгородцев, заключается в том, что он не понимает инакомыслящих, что он отрицает диалог, дискуссию, свободу мнения, а потому (в качестве институционального закрепления всего этого) демократию и парламентаризм.

Классовые противоречия, которые должны были исчезнуть в Советской России, выстраиваются заново. По сути, формируется новый класс привилегированных людей, т. н. номенклатура, которая начинает мыслить себя отдельно от народа. Эти люди олицетворяют собой государство, и они нуждаются в том,

чтобы народные массы им верили, чтобы они делали то, что им говорят. Какова природа советской власти? Власть большевиков вряд ли можно назвать народной, отмечает Федотов, она поддерживается только правящим отбором: партией, армией, «молодняком». Народ, рабочие и крестьяне давно уже из деятелей революции превратились в ее жертв. Тем не менее большевики через 15 лет после революции сохранили огромную власть. С точки зрения Федотова, это стало возможно, потому что в Советской России нет четкого разделения на правителей и управляемых. В СССР существуют следующие социальные группы: партия, советская бюрократия, армия, комсомол, пролетариат, крестьянство, обломки старой интеллигенции, духовенства и буржуазии. Каждая из этих групп является правящей и управляемой, палачом и жертвой. Раздел происходит по линии личной активности, или, точнее, бессовестности. Переход в правящую группу осуществляется для большинства ценой лжи, подхалимства или предательства. Именно этой социальной структурой диктатуры объясняется ее необыкновенная живучесть. Поэтому в России нельзя представить себе восстание народа против власти [36]. Таким образом, размывание границ между классами, которое оказалось на деле лишь идеологической прокламацией, явилось тем клеем, который позволил режиму достигнуть такой прочности. Возможность изменения данной ситуации Федотов видит в назревающих противоречиях в самой правящей верхушке. Это противоречия, во-первых, между партией, которая растеряла свой революционный запал и занята, по сути, самосохранением, и комсомолом, который зачарован идеей строительства коммунизма до потери личной совести. Во-вторых, между марксистами-революционерами и государственниками-строителями. Так, например, если партийцы становятся во главе государственного аппарата, для них интересы дела становятся важнее, чем революционные догмы. Противоречия между этими группами неизбежно подтачивают диктатуру и делают возможным ее падение, полагает Федотов [36, с. 18].

ПРОЕКТ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Вопрос о сущности советской власти тесно связан у новгородцев с вопросом о том, какой социальный слой является главной идеологической опорой этой власти. Пытаясь понять, что составляет основное политическое ядро советской системы, новгородцы немало страниц посвящают рассмотрению нового поколения советских людей, воспитанных большевиками. Молодежь, по их мнению, является основным политическим ресурсом советской власти и единственной силой, сохраняющей веру в коммунизм: «В Советской России комсомол — единственная идейная сила, питающая революцию» [36, с. 18]. Молодежь — настоящий «железобетон» советской власти, отмечает И. Бунаков, т. к. воспитана большевиками по своему образу и подобию. И даже если некоторые представители молодежи ненавидят свою власть, они очень мало от нее отличаются по складу своей души, по взглядам на мораль, семью и любовь [8, с. 37]. Да, трудовой энергией комсомольца можно восхищаться, но есть и обратная сторона — комсомольцы не только строят заводы,

но и разрушают храмы и расстреливают крестьян и вообще энергия комсомола направлена против народа, которого силой загоняют в «технический рай». Молодежь наиболее оторвана от жизни, она наиболее склонна поддерживать радикальную доктрину, вследствие этого является наиболее идеократическим слоем советского общества:

Никакие перевороты в сознании, никакое новое идейное содержание не может исправить основного психологического вывиха этого слоя: его отвлеченности, доктринерства, максимализма, жестокой насильственности по отношению к жизни [36, с. 19].

Идеализм советской молодежи проявляется в зачарованности идей вплоть до потери личной совести и не является моральным, хотя некоторые моральные качества в ней присутствуют, такие как мужество, дисциплина, преданность общему делу. Но эти качества в сочетании с отрицанием личной чистоты, правдивости и человечности создают скорее военный тип общественного служения, полагает Федотов [36, с. 15].

Формированию образа нового советского человека подчинена была вся система образования, считал один из авторов «Нового града», С. И. Гессен, чья книга по педагогике считается одной из лучших, написанных в XX в. Главными целями культурной политики большевиков было полное искоренение религии, стопроцентная ликвидация безграмотности, «орабочение средней и высшей школы». Все эти цели были подчинены главному — воспитанию членов нового коммунистического общества: «Школьная политика должна была разрешить задачу создания «квалифицированной рабочей силы», коммунистическое правоверие которой стояло бы выше всяких подозрений» [12, с. 68]. Гессен полагал, что культурная пятилетка провалилась: «Отступление советской власти на фронте просвещения является одним из возвышеннейших зрелищ эпохи Русской Революции», — писал он [13, с. 42]. За один только год удалось ликвидировать миллионы безграмотных, но фантастический количественный рост школы привел к такому чудовищному снижению ее качества, что сама советская власть была потрясена обнаружившимися результатами. Также большевики были вынуждены признать неудачу «классового отбора»: «Пролетариат оказался явно неспособным или нежелающим воспользоваться предоставленной ему привилегией “грызть гранит науки”» [13, с. 42]. С 1928 г. политграмота разрастается в целый самостоятельный цикл отдельных учебных предметов, в т. н. социально-политическое ядро учебных программ. Грамотность понималась как «грамотность в первую очередь политическая», а не как «безошибочность в письме». Вместо того чтобы развивать всесторонне задатки личности, речь шла о том, чтобы сделать образование орудием всемирной революции, а личность учащегося — средством партии и государства. Сближение школы с производством, а также ее последующая военизация способствовали этому процессу. Выдвижение рабочего комсомольца на командные посты было последней целью школьной реформы:

Самоуверенный и полуграмотный, исполненный ненависти к старым спецам и предпочитающий им иностранных наймитов, он представляет собою тот новый

правлящий слой, на который во все большей степени принуждена опираться советская власть [12, с. 74].

Другим направлением деятельности советской власти по формированию нового человека было реформирование семейно-брачных отношений. Большевики провозгласили задачу создания новой пролетарской культуры и новой морали. Однако, по мнению новоградцев, борясь за новую мораль, они нанесли непоправимые удары всякой морали. Это особенно заметно в такой области общественных отношений, как семья и брак. Либертарная идея освобождения женщины и семьи на самом деле обернулась закрепощением семьи «коммунистической государственностью, выдаваемой за советскую общественность», пишет Степун [26, с. 18]. В постановлении от 1 января 1927 г. Советская власть ввела наряду с церковным и гражданским браком еще и третий вид брака — фактический. Установка института фактического брака и проповедь свободной любви разрушила институт семьи, и это не случайно. Семья является тем фундаментом, на котором держится независимость личности, таким человеком уже труднее управлять. Советской же власти нужен весь человек, отсюда принцип уничтожения всяких «мещанских» семейных радостей. Вводя «холостую психологию», советские писатели стремятся к наибольшей депозитизации любви, к ее метафизическому удешевлению. В советской пропагандистской литературе господствует классовый подход, убедительно обосновывается, что избрание любовным партнером представителя другого «высшего» класса — такая же извращенность, как половое влечение к крокодилу или орангутангу [26, с. 22]. Любовь — это случка здоровых строителей коммунизма с целью порождения потомства. Таким образом, обесценивание семьи и любви как буржуазных ценностей на руку бесчеловечной советской власти, которая хочет господствовать над людьми, сделав их безличными строителями социализма, а по существу «зомбированной массой, которой легко управлять», считает Степун [26].

Наконец, советская власть провозгласила, что подлинной социальной жизнью является жизнь в коллективе. Но советский коллектив — это не более, чем фикция, т. к. подлинное единение между людьми возможно лишь там, где речь идет о личностях. Но поскольку большевики отрицают самоценность человеческой личности, ни о какой нравственной связи между людьми говорить не приходится. По этому поводу Степун остроумно замечает, что «о подлинной общности можно говорить лишь там, где общество состоит из личностей; там же, где оно состоит не из личностей, а из индивидуумов, допустима, строго говоря, лишь речь о коллективе» [27, с. 214].

Наиболее сложным в советском обществе оказалось положение интеллигенции. По мысли большевиков, рабочий человек должен осознать свое доминирующее положение в обществе. Появляется новая иерархия, в которой интеллигенция занимает низшие позиции. Сама природа труда, которым занимается интеллигенция, вызывает недоверие рабочего класса, которому совершенно чуждо понятие о профессиональном равенстве. Физический труд признает «мозоли единственным критерием труда» [38, с. 32]. Следствием этого являются социальная деградация интеллигенции и упадок культуры. К тому же

работники духовного труда не создают материальных ценностей, и, пока производство материальных благ поглощает внимание общества, нечего и думать о восстановлении должного духовного строя, пишет Г. Федотов [38, с. 33].

В свою очередь Бердяев, отмечая, что процесс деградации культуры — это процесс мирового значения (он связан с господством техницизма и сциентизма), подчеркивает, что коммунизм особенно опасен для гуманистической культуры, т. к. при нем происходит расширение социальной базы культуры, вовлечение в нее огромных человеческих масс:

Но масса, которая не организована никакой верой и никакой высшей идеей, есть явление страшное, она легко превращается в ту «чернь», которая грозит истреблением творческой свободы, вульгаризацией культуры и понижением ее качественного уровня, уничтожением ее благородства [7, с. 49].

«Чернь» — это не трудящиеся, это мещане, люди, привыкшие жить обыденными интересами, для них не существует духовных ценностей. Мещанство не есть сытость или даже пресыщенность материальными благами, а некий строй души, некая направленность сознания. С Бердяевым согласен Федотов:

Большевикам удалось воспитать поколение, для которого нет ценности человеческой души. Когда схлынет волна революционного коллективизма эта «мораль» станет на службу личного эгоизма. Появится новое мещанство — социалистическое [34, с. 5].

По мнению новгородцев, спасти культуру от социального утилитаризма может лишь возрастание духовной жизни в мире, духовное пробуждение личности, но это как раз невозможно, потому что большевики разрушили русскую культуру и по сути уничтожили интеллигенцию. Таким образом круг замкнулся.

Бердяев отмечает парадоксальное изменение человека при советской власти:

Я думаю, что по принципу своему коммунистическое общество лучше старорежимного русского общества. Но насколько хуже стали трудящиеся, рабочие и крестьяне, хуже стал народ, раньше угнетенный, теперь пришедший к власти... Об этом только и говорит современная литература, она изображает человека, в котором уже нет образа и подобия Бога [5, с. 59].

Похоже, что новгородцы трактовали большевизм шире, нежели политику конкретной партии. Большевизм — это образ мысли, образ действия, характерный для определенного типа человека, Степун отмечает:

Не подлежит никакому сомнению, что успех большевизма объясняется не в последнюю очередь тем, что при всем своем презрении к отдельной человеческой личности, он всегда проявлял очень большую чуткость к проблеме пригодного для революции человеческого материала. Большевизм — это не только программа и тактика, это и полусознательная ставка на вполне определенного человека [28, с. 6].

Итог подводит Федотов: многое можно простить большевикам, но нельзя простить глубокого искажения народной души, которое ведет за собой их режим:

В большей степени, чем проповедь материализма и безбожия, чем сознательное разрушение семьи, эта деморализация связана с необходимостью общей лжи и предательства, с проникновением политического сыска в самые недра народной жизни [32, с. 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, отвечая на вопрос о том, какой духовный опыт, какие идеи, какие конкретно политические и социальные достижения считали новгородцы положительным творческим активом большевистской революции, можно отметить, что таких достижений не так много и отношение к ним у авторов журнала крайне амбивалентно. Наиболее непримиримую позицию по отношению к большевикам занимал Г. Федотов. Собственно, он и выразил эту амбивалентность наиболее внятно: да, мы признаем технические успехи большевиков, но строить заводы ценой голода и разорения миллионов — это преступление. Да, большевики вознесены на вершущку власти народом, но народ давно уже из деятелей превратился в жертву. И наконец, мы можем мириться с исчезновением типа интеллигента, но не с исчезновением жалости к человеку, совести в социальной жизни [32]. По мнению Федотова, СССР — не решение, а провал, при всех возможных технических его достижениях. Ибо в СССР убиты самые основы социалистической и даже вообще подлинной социальной жизни. Стоит отметить, что Федотов в предвоенные годы все больше проникался убеждением в духовной близости германского фашизма и коммунизма [20, с. 439].

Справедливости ради, необходимо сказать, что взгляды новгородцев претерпевали значительную эволюцию, так, в 1935 г., в десятом номере журнала, в редакционной статье, Бунаков и Федотов, отмечая, что для них как сторонников «персоналистического социализма неприемлема социалистическая деспотия», сделают важное признание:

Но мы признаем огромный шаг вперед, проделанный со времени военного коммунизма и даже последнего года пятилетки (1933). Признаем торжество здравого смысла, воскрешение некоторых вечных, элементарных начал общечеловеческой культуры... Признаем и творческий подъем технического русского гения, огромную работу, совершающуюся в России во всех сферах научно-технического строительства [18, с. 11].

А через год Ф. Степун в статье «Чаемая Россия» напишет, что общество, построенное большевиками, при всех его несовершенствах, предпочтительнее, чем капитализм. Так, если брать основную массу населения, т. н. служилый слой, то можно признать, что в СССР действительно построено бесклассовое общество. Люди совершают чудеса трудового героизма, получая за это минимум необходимых для жизни благ. Это общество гораздо ближе к христианству, чем капитализм, и поэтому

не только не ставя большевикам, в заслугу создание такого общества, но и не прощая им его, нельзя все же не видеть, что советская жизнь является

весьма пригодной базой для возведения первого гуманитарного этажа «Нового града» [30, с. 33].

Особенно привлекательной казалась Степуну трудовая жизнь, «которая в большой степени уравнила бедных и богатых, знатных и простых, образованных и малограмотных», он считал, что ее обязательно надо сохранить, повысив ее бытовой и хозяйственный уровень [30, с. 35]. По мнению Степуна, превращение России в типично капиталистическую страну было бы величайшим преступлением, как перед идеей социального христианства, так и перед всеми пережитыми Россией муками [30, с. 35].

Наиболее последовательной была позиция Н. Бердяева, который еще в первом номере «Нового града» вызвал всеобщее негодование эмиграции своим допущением существования особой советской свободы:

Коммунистическое понимание свободы есть понимание свободы, как реализации коллективной строительной энергии в определенном направлении, при определенном знании, что есть истина [3, с. 62].

Утверждая, что в обществе капиталистическом свобода стала прикрытием интересов буржуазных классов, Бердяев полагал, что на Западе существует свобода для немногих, в Советской России свободное общество строится в перспективе для всех. Мало отвлеченно и формально утверждать свободы и права других людей, надо дать людям материальную возможность быть максимально свободными. В этом отношении правда на стороне социальной демократии против либеральной демократии. И в 1939 г. Бердяев признает право народа на социальную справедливость — экономические требования масс о том, чтобы «цивилизация принадлежала и им», совершенно справедливы и оправданы:

Да, вторжение масс неизбежно сопровождается кризисом культуры, угрозой свободе творчества. Но русская культурная элита также виновата в катастрофе русской духовной культуры, так она всегда была индифферентна, эгоистична, отличалась презрением к жизненным нуждам человеческих масс [3, с. 6].

Несмотря ни на что, новгородцы были убеждены, что России, отменившей идеи свободы и личности, предстоит первой выйти на новый путь социального и духовного творчества. Поэтому одной из задач, которую они ставили перед собой, была задача интуитивно разгадать и творчески закрепить рождающийся в Советской России образ нового человека. По мнению Бердяева, самое главное преимущество этого человека в том, что это человек из народа, который, впервые себя почувствовал сознательным участником и строителем новой жизни.

Подводя итог, необходимо отметить, что парадоксальность ситуации, которая сложилась вокруг журнала «Новый град», заключается в том, что нам довольно сложно признать данное издание просоветским, хотя бы потому, что критическое отношение новгородцев к советскому строю явно преобладает над отдельными признаниями некоторых достижений большевиков. Однако так было. Объяснение данного обстоятельства может заключаться лишь в том, что полемика вокруг СССР была настолько ожесточенной, что любая сдержанная позитивная оценка успехов молодого государства воспринималась в штыки.

К тому же между новоградцами не было единства, журнал предоставлял свои страницы людям различных взглядов, и его редакция сознательно допускала широкую возможность дискуссии. Внутренние противоречия, отмеченные читателями и критиками журнала, редакция объясняла тем, что «Новый град» не партия, и даже не политическая группа, связанная единством программы, а потому разногласия между авторами «Нового града» неизбежны, тем более что никто из них не несет ответственности за проекты или оценки других сотрудников. По сути журнал был платформой для всех политических сил, готовых внести свой вклад в разрушение духовных устоев советской системы любыми возможными способами. Они полагали, что для действительной борьбы с большевизмом нужно не отрицать его, а противопоставить ему проект общества более свободного и братского, отвергая все, что в большевизме ведет к тоталитаризму, а именно: непонимание свободы и абсолютной ценности личности, непонимание неприкосновенности прав и свобод человека, насилие и террор. Сегодня журнал «Новый град» воспринимается как достаточно острая и точная критика советской власти. Эти люди оказались настолько проницательны и глубокомысленны в своих оценках, что их критика во многом предвосхищает критику советского строя, которая будет осуществляться гораздо позже, в первую очередь диссидентским движением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев О. В., Ермичёв А. А. «Новый град»: проект духовного и социального переустройства мира // *Философия и общество*. — 1999. — № 1. — С. 154–172.
2. Бердяев Н. А. Испанская трагедия перед судом христианской совести // *Новый град*. — 1939. — № 14. — С. 15–26.
3. Бердяев Н. А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // *Новый град*. — 1939. № 13. — С. 5–11.
4. Бердяев Н. А. О смене поколений и о вечном возвращении // *Новый град*. — 1932. № 5. — С. 36–42.
5. Бердяев Н. А. О социальном персонализме // *Новый град*. — 1933. — № 7. — С. 44–60.
6. Бердяев Н. А. Парадоксы свободы в социальной жизни // *Новый град*. — 1931. — № 1. — С. 59–66.
7. Бердяев Н. А. Социальный кризис культуры // *Новый град*. — 1932. — № 3. — С. 46–53.
8. Бунаков И. И. Два кризиса // *Новый град*. — 1932. — № 2. — С. 28–39.
9. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. — Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1956. — С. 277–310.
10. Вышеславцев Б. П. Социальный вопрос и ценность демократии // *Новый град*. — 1931. — № 2. — С. 39–50.
11. Гессен С. И. О пятилетке и проблеме хозяйственной автаркии // *Новый град*. — 1932. — № 5. — С. 56–67.
12. Гессен С. И. Пятилетка и школьная политика советской власти // *Новый град*. — 1931. — № 1. — С. 67–77.

13. Гессен С. И. Судьба коммунистического идеала образования // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 42–59.
14. Жирков Г. В. «Новый град» — журнал, устремленный в будущее // Жирков Г. В. Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920–1940 годы). — СПб.: Библиотека Гуманитарного университета, 1998. — С. 141–146.
15. Лаговский И. А. Бог и социальная правда в СССР // Новый град. — 1932. — № 4. — С. 40–54.
16. Лосский Н. О. Свобода и хозяйственная демократия // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 54–59.
17. Люкс Л. В защиту демократии — эмигрантский журнал «Новый град» о кризисе 30-х годов. — URL: <http://gefter.ru/archive/18076> (дата обращения: 24.10.2020).
18. От редакции // Новый град. — 1935. — № 10. — С. 3–12.
19. Пашкина Е. Г. Философия и идеология журнала «Новый град» // Высшее образование в России: Научно-педагогический журнал Министерства образования и науки Российской Федерации. — М., 2007. — № 2. — С. 152–156.
20. Руднев В. В. Политические заметки // Современные записки. — Париж, 1932. — № 30. — С. 438–456.
21. Руднев В. В. Рецензия на «Новый град» // Современные записки. — Париж, 1932. — № 28. — С. 508.
22. Русская философия. Энциклопедия. — М.: Мир философии, 2020. — 918 с.
23. Сафронов Р. Ю. «Новый град» и идеи преобразования России // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М.: Наследие, 1994. — Кн. 1. — С. 101–107.
24. Степун Ф. А. Задачи эмиграции // Новый град. — 1932. — № 2. — С. 15–27.
25. Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. — 1934. — № 8. — С. 15–27.
26. Степун Ф. А. Любовь по Марксу // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 12–27.
27. Степун Ф. А. О свободе // Новый град. — 1938. — № 13. — С. 11–44.
28. Степун Ф. А. О человеке Нового града // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 6–20.
29. Степун Ф. А. Путь творческой революции // Новый град. — 1931. — № 1. — С. 8–20.
30. Степун Ф. А. Чаемая Россия // Новый град. — 1936. — № 11. — С. 11–40.
31. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. — Париж; Москва: YMCA-Press. Русский путь, 1996. — С. 156–158.
32. Федотов Г. П. В плену стихии // Новый град. — 1932. — № 4. — С. 8–20.
33. Федотов Г. П. Новый град // Новый град. — 1931. — № 1. — С. 3–8.
34. Федотов Г. П. О национальном покаянии // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 3–11.
35. Федотов Г. П. Ответ Бердяеву // Новый град. — 1933. — № 7. — С. 84.
36. Федотов Г. П. Падение советской власти // Новый град. — 1932. — № 5. — С. 10–21.
37. Федотов Г. П. Россия, Европа и мы // Новый град. — 1932. — № 2. — С. 3–14.
38. Федотов Г. П. Что такое социализм? // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 21–33.
39. Херасков И. И. Царство труда // Новый град. 1932. № 4. — С. 55–62